

Православная церковная юрисдикция на территории Украины согласно канонически значимым документам

1. Введение

К православному церковным делам на территориях, входящих в состав международно признанных границ Украины, в разное время имели отношение четыре митрополии Константинопольского патриархата: помимо Киевской, это Угровлахийская, Молдовлахийская и Готфско-Кефайская.

Значение Угровлахийской и Молдовлахийской митрополий для украинских земель было особенно велико в процессе консолидации православного сопротивления Брестской унии 1596 года. 17 августа 1595 года обе митрополии на совместном соборе в Яссах фактически взяли под свое временное управление паству Киевской митрополии. Собор в Яссах был созван по инициативе представителя Константинопольского патриарха Иеремии экзарха Никифора, в скором будущем – мученика за православие. Соборная грамота, обращенная к «знатым и простым людям», находящимся «под властью польского короля», предписывает больше не подчиняться своим епископам, которые, согласно постановлению собора, уже и на тот момент, то есть еще прежде официального заключения унии, совершили такие проступки, что должны быть отрешены от управления. Самим же епископам в той же самой соборной грамоте предписывается немедленно представить патриарху покаянные акты — в противном же случае они будут извергнуты из сана, а миряне получают право выдвинуть своих кандидатов на освобожденные епископские кафедры (WELUKYJ 1970, 120–121, документ № 69).

Как известно, в следующем 1596 году, когда уния была, наконец, заключена, не все епископы в нее отпали (не отпали двое), и, таким образом, внешнего управления для Киевской митрополии в тот момент устанавливать не пришлось. Между 1607 и 1620 годами Киевская митрополия все-таки пережила период полного отсутствия епископата, но, видимо, в Константинополе предполагали исправить это положение со дня на день (то есть с года на год), что и удалось в 1620 году.

Таким образом, после 1596 года Угровлахийская и Молдовлахийская митрополии перестают влиять на жизнь Киевской митрополии формально, хотя, разумеется, их влияние остается очень сильным в области родственных и духовных связей. В качестве примера первых укажем на происхождение Петра Могилы (Мовилы), а вторых — монашеское движение Василия Пойяномерлуйского («Поляномерульского», как его называли в России) и Паисия Величковского.

История отношения с двумя западными митрополиями дает себя знать до сих пор в различных «пограничных конфликтах» между румынскими и украинскими церковными организациями. Как правило, в этих конфликтах по-разному интерпретируются исторические данные о западной границе Киевской митрополии. К сожалению, наши сведения о составе всех трех упомянутых митрополий в разные периоды истории – Киевской, Угровлахийской и Молдовлахийской – довольно-таки приблизительны, и поэтому историки оказываются плохими экспертами в этих «пограничных спорах».

Гораздо важнее для понимания сегодняшних канонических вопросов история Готфско-Кефайской и собственно Киевской митрополий.

2. Казус митрополита Игнатия

Христиане Крыма исторически подчинялись Константинопольскому патриархату. При этом формы организации их церковной жизни менялись. На последнем этапе юрисдикция патриархата в Крыму и, возможно, на каких-то территориях Приазовья осуществлялась через образованную в 1678 году Готфскую и Кефайскую митрополию.

Изменения начались после заключения в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мира между Российской и Османской империями. Согласно условиям этого мира, Крымское ханство отделялось от Османской империи и превращалось в самостоятельное государство, а к Российской империи отходила небольшая часть Крымского полуострова с Керчью и ее окрестностями. Присоединение Крыма к Российской империи состоялось уже в 1783 году, но как раз в промежутке между этими датами произошло событие чрезвычайной важности именно в отношении церковного управления.

В течение 1778 года был подготовлен и в 1779 году осуществлен массовый исход из Крымского ханства православных греков во главе с их митрополитом – по титулу Готфским и Кефайским – Игнатием Гозадиносом (1715—1786, митрополит с 1769). Греки расселились в северном Приазовье и новым центром митрополии стал новооснованный город Мариуполь (с 1780). При этом сама митрополия вошла в состав Церкви Российской империи и была подчинена русскому Синоду без каких-либо сношений с Константинополем. Вскоре после смерти митрополита Игнатия (1786) и сама его митрополия была ликвидирована (1788).

Изначально предполагалось, что православное население всё целиком покинет Крымское ханство. Русские военные под руководством А. В. Суворова предоставили к тому полную возможность. Но не все захотели. В действительности покинуло ханство только 60% православного населения. Остальные так и остались жить в Крыму. В 1781 году последний крымский хан Шахин Герай (рус. Шагин Гирей) — полностью зависимый от России, но недовольный потерей христианского населения — заставил силой приезжего греческого священника возобновить для своих христиан православное богослужение в Бахчисарае.

До 1783 года не могло быть и речи о выходе христиан Крыма из юрисдикции Константинополя, но сразу после упразднения Крымского ханства, в 1784 году, Крым был включен — отнюдь не в Готфско-Кефайскую, а — в Славянскую и Херсонскую епархию с центром в Полтаве. В 1786 году эта епархия, по-прежнему с центром в Полтаве, переименовывается в Екатеринославскую, и в 1788 году в нее вливается осиротевшая и упраздняемая Готфско-Кефайская митрополия.

Таковы общеизвестные исторические факты. Посмотрим на них с канонической стороны. Грубый силовой захват митрополии очевиден, так как даже никакой переписки по этому поводу с патриархом не велось. Поэтому нас будут интересовать только менее очевидные детали.

Формально, с точки зрения русского правительства в 1779 году, вся паства митрополии с митрополитом во главе переселяется на новые территории. Вспоминается исторический прецедент Кипра, решение по которому было принято в 39 правиле Трулльского собора в 692 году. Тогдашний архиепископ Кипра, сам один из отцов этого собора, Иоанн переселился вместе со значительной частью паствы на материк (Геллеспонт), где была территория Константинопольского патриархата (Кизическая митрополия). Различие с крымским случаем, однако, очень существенное: церковь Кипра была автокефальной, а в Крыму была всего лишь

митрополия. Собор постановил временно подчинить кипрскому архиепископу также и Кизическую митрополию, но с тем, чтобы прежний порядок возвратился, когда кипрские эмигранты смогут вернуться домой. Так это и произошло через некоторое время.

В случае крымских греков дело обстояло еще проще, так как их переселяли в такие места, где никакой церковной организации не было, и новую историю митрополии можно было начинать с чистого листа.

Разумеется, в эмиграции православного населения из-под власти неверных не было ничего неизвестного канонам. В такой эмиграции имели право участвовать и епископы, но для таких случаев церковное право настаивает на сохранении за ними их прежнего статуса (см., в частности, правило 37 того же Трульского собора). Таким образом, принимая решение о переселении, митрополит Игнатий и его паства должны были оставаться в юрисдикции Константинополя. После ликвидации Крымского ханства митрополиту было бы естественно вернуть свою кафедру в Крым, но это не было обязательным с точки зрения церковного права.

Но митрополию нельзя было ни отрывать силой от Константинополя, ни упразднить.

Такова формальная сторона дела, как оно выглядит, если верить русским документам того времени. Если же верить самой реальности, то появляется еще один акт грубого нарушения канонов — теперь уже в отношении православных, оставшихся в Крыму, которым насильно изменили юрисдикцию. Им даже для вида не дали побыть в их родной Готфско-Кефайской митрополии, а перевели в подчинение русскому Синоду без всяких церемоний.

С канонической точки зрения, как Крым, так и новая митрополия с центром в Мариуполе должны были бы оставаться в юрисдикции Константинополя до тех пор, пока это не было бы изменено в каноническом порядке.

3. Киевская митрополия в договоренностях 1686 года

Степень важности документов, прямо и косвенно связанных с Константинопольским собором в июне 1686 года, сравнима только со степенью нежелания историков – даже церковных – их читать. Историков, впрочем, отчасти можно понять. Греческие оригиналы этих документов не сохранились вообще. Архивы Константинопольского патриархата XVII века до нас не дошли, а в единственном дошедшем до нас архиве Посольского приказа (позже — МИДа) не всегда сохранялось все, что хотелось бы. Что касается церковнославянских переводов с греческого, сделанных в Посольском приказе, — которыми приходится довольствоваться, — то для их понимания зачастую необходимо мысленно переводить славянские кальки греческих терминов обратно на греческий. Без такого навыка эти документы почти нечитаемы, т.е. понятны в самых общих чертах, но не в канонически значимых нюансах.

Характерно, что в Константинопольском патриархате эти документы не были использованы даже при написании так называемого «Томоса о польской автокефалии» в 1924 году. Томос не ограничивается территорией тогдашней Польши, а говорит, очевидно, о территории Киевской митрополии в целом, исходя из того, что никакой «переуступки» Киевской кафедры Москве никогда не было. Действительно, не было. Но все же ситуация далеко не такова, как с Готфско-Кефайской митрополией. Там было простое вооруженное ограбление, при котором грабители расписок не выдают. Здесь была попытка дипломатии. Ее можно квалифицировать как покушение на подкуп должностных лиц и(или) попытку мошенничества, но в итоге и тут дело кончилось грабежом.

Первым, кто ввел соответствующие документы в научный оборот, был историк Сергей Михайлович Соловьев. Почти исключительно на их данных он написал том XIV своей «Истории

России с древнейших времен», вышедший в 1864 году. Он был далек от интересов канонического анализа документов, и поэтому для церковного, а не светского историка проделанный им анализ дает не очень уж много.

Изученные им в архиве МИДа документы распадаются на две категории. Это, во-первых, дипломатические донесения в Москву русского посла Никиты Алексеева и, во-вторых, сборник собственно церковных документов, куда вошли две грамоты, изданные Константинопольским собором 1686 года, целый ряд сопроводительных писем к ним, а также еще некоторые документы, имеющие прямое отношение к подготовке собора 1686 года.

Первая группа документов до сих пор остается неизданной! Конечно, в них нет материала для канонического анализа, но из пересказов Соловьева хорошо видно, какой это драгоценный материал для понимания «техники» работы посольства. Мне бы сейчас хотелось использовать этот форум для привлечения внимания ученых к задаче издания этого корпуса документов.

Вторая группа документов — созданный кем-то в недрах Посольского приказа сборник — была издана уже в 1872 году в Киеве Сергеем Алексеевичем Терновским (1847—1916), будущим профессором Казанской духовной академии и библеистом, а в тот момент — только что закончившим (1871) выпускником Киевской духовной академии. Текст издан почти без комментариев, если не считать таковыми данные самим издателем названия документов, в которых он пытался резюмировать их смысл. На издание Терновского (АЮЗР) ссылаются все позднейшие историки, но могу сказать с уверенностью, что большинство из них читало только названия-резюме документов, составленные Терновским, но в сами документы не погружались. Что касается Терновского, то он воспринимал содержание документов в русле, уже заданном С. М. Соловьевым, и это решающим образом и не в лучшую сторону сказалось на составленных им заголовках.

В своей книге «Русское православие между Киевом и Москвой» (2009) я постарался рассмотреть содержание всего корпуса, изданного Терновским, как можно подробнее. Может быть, из-за большого количества подробностей этот мой разбор сам не очень легко читается. Поэтому сейчас я ограничусь только тем немногим, что является каноническими итогами собора 1686 года, оставляя в стороне все планы и интриги, которые этому собору как предшествовали, так и последовали.

Каноническими итогами собора стали два документа — две соборных грамоты, подписанные в июне 1686 года патриархом Дионисием и всем собором епископов патриархата. Одна — на имя московских царей, другая — верующим Киевской митрополии, без указания конкретного адресата (АЮЗР 1872, соответственно, с. 177–182, 186–189).

Формальный повод для соборных решений — необходимость «что-то сделать» с Гедеоном Святополк-Четвертинским. 8 июля 1685 года на странном мероприятии в Киеве его выбрали новым Киевским митрополитом. За недостаточностью епископов (среди которых не было местоблюстителя Киевского престола Лазаря Барановича и — почему-то — даже самого «виновника торжества» Гедеоны, на тот момент епископа Луцкого и Острожского), голосовали и другие духовные лица. Условием избрания было согласие перейти в подчинение Москве, хотя избирали еще, формально, в юрисдикции Константинополя. Москва «продавила» такое псевдо-избрание Гедеоны, не обращая внимания на каноны и надеясь уладить дело задним числом.

Даже в левобережной Украине Гедеоны многие не признали, не говоря уж о правобережной. Поэтому соборное послание не только московским царям, но и украинской пастве было далеко не лишним.

В грамоте московским царям содержатся следующие особо важные для нас тезисы:

1. Просьба о признании Гедеона Киевским митрополитом удовлетворяется, несмотря на вопиющие нарушения при его избрании: «соизволихом бытии воли вашей <...>, аще и по церковным уставом сие дело есть возбранено» (с. 178).

2. А именно, эта просьба противоречит тем «священным правилам», которые «повелевают, яко да сохраняются всякия церкви оправданныя, непоколебимыя и недвижимыя» (с. 178), то есть границы всех церквей должны, в принципе, сохраняться непоколебимо и неподвижно в том виде, как они засвидетельствованы. Таким образом, Москва обвиняется в нарушении границ Константинопольского патриархата вмешательством в избрание Киевского митрополита.

3. Делается, однако, акцент на том, что одобряется лишь хиротония кандидата, избранного на месте, а не просто назначенного Москвой: сказано, будто Гедеон был избран «общим советом оной епархии» (с. 178–179). — За кажущейся наивностью такого преувеличения «общности» совета Киевской епархии стоит указание на избрание митрополита в Киеве, а не назначение в Москве.

4. Рукоположенный в Москве Киевский митрополит подсуден патриарху Московскому (с. 179). — Это главный несомненный выигрыш Москвы. Но в этой подсудности Москва не становится высшей судебной инстанцией, и даже не только потому, что 9 правило Халкидонского собора (451 год) уже установило для Константинопольского престола право высшего церковного суда для других поместных церквей. Есть гораздо более прямые основания для судебной власти Константинополя, к которым мы сейчас и переходим.

5. Это главный пункт соборной грамоты, который мы процитируем дословно ввиду его чрезвычайной важности:

«Однако для того, чтобы сохранялась там (в митрополии) честь Вселенского престола, и чтобы не было пренебрежения и значительного нарушения в относящихся к нему (церковных) правилах, мы повелели, чтобы в митрополии сей тот, кто будет в то время митрополитом, возносил за священными литургиями на месте патриаршего имени сначала имя патриарха Вселенского, а потом, в соответствии с правилами, патриарха Московского. — Последнее по причине хиротонии, которую он получает от (патриарха) Московского, и поэтому должен, согласно правилам, помянуть его, а первое — ради памяти древних привилегий Вселенского престола»¹.

Это же требование сформулировано с немного другим обоснованием в остальных документах. Из него уже очевидно, что речь о переуступке Киевской митрополии не шла: Константинополь лишь согласился *делегировать* Москве какую-то часть собственных прав. Но продолжим чтение соборной грамоты.

6. «...и да будет отныне и впред сим образом хиротонисание Киевскаго» (с. 179). — «Сим образом» — то есть посредством выбора в Киеве, а не назначения в Москве.

Соборная грамота, обращенная к пастве Киевской митрополии, также содержит важные для нас положения:

¹ «Токмо во еже хранитися чести окрест вселенскаго престола, и да не будет пренебрегание и лишение весьма в своих правилах, повелехом, во еже воспеватися в митрополии сей патриаршему имени вселенскаго патриарха в первых, потом правильно имя патриарха Московскаго, от по времени сущу митрополиту во священнх литургиях; оное убо хиротонии ради, юже воспринимает от Московскаго и долженствует по правилом воспомянути его; ово же памяти ради древних привилий вселенскаго престола» (с. 179).

1. Настолование в Москве митрополита Гедеона состоялось вопреки «обычаю обдержашу» (общему правилу), согласно которому митрополиты Киевские должны ставиться от патриарха Константинопольского — либо непосредственно, либо по его поручению. Но это сделано ввиду тяжелого положения паствы из-за многолетнего вдовства кафедры и при невозможности связаться с Константинополем из-за войны между двумя царствами (очевидно, речь о России и Польше) (с. 187). — Собор сразу дает понять, что юрисдикция Константинополя над Киевской митрополией на ставится под сомнение, а поставление Гедеона признается лишь в силу исключительных обстоятельств.
2. Признание Гедеона стало возможным только потому, что оно изначально не подразумевало переподчинения Киевской митрополии, а за нарушение подобающего порядка (отсутствие заранее испрошенного разрешения Константинопольского патриарха) те, кто совершил это деяние, испросили прощения. — Это заявление покажется странным, если учитывать, что никто никакого прощения не просил, и сама грамота тут ни на какой документ не ссылается. Это, однако, не совсем прямое вранье, а так называемое «форсированное толкование» устного обращения послов. Тут главное, что московские послы что-то же говорили, а, следовательно, константинопольские иерархи могли сделать вид, будто поняли их именно так.

Тут мы опять обратимся к дословному цитированию, так как текст очень важен. Отчасти он важен и тем, что очень курьезен: речь идет о выдаче разрешительной грамоты за грехи, но не тому, кто эти грехи совершил и даже не думал в них каяться (не патриарху Иоакиму), а третьим лицам:

«...и это (поставление Гедеона) произошло без измененения юрисдикции митрополита Киевского, а, как было сказано, ради домостроительства (практического устройства церковных дел), после усиленных просьб и испрашивания прощения от источника всех поместных церквей, святой Христовой Великой Церкви. Поэтому наша мерность (то есть Константинопольский патриарх), невзирая на произведенное сейчас нарушение, но судя по цели и результату, и узнав из доставленных оттуда (из Москвы) грамот, что это было сделано по домостроительству (то есть в виде исключения и без претензии на законную власть над Киевом)... пишет общим советом (патриарха и собора при нем) и оповещает во Святом Духе, чтобы в данном случае было употреблено снисхождение и подано обильно просимое, применив к данному случаю икономию² по домостроительству, и чтобы на этом основании этот блаженнейший патриарх Московский и всея России кир Иоаким, во Святом Духе возлюбленный ее («нашей мерности») брат и сослужитель, был прощен от Отца и Сына и Святаго Духа, Святыя Троицы, и благословен, и не оклеветан, и свободен от всякого осуждения и нарекания по данному поводу, всегда невозбранно действуя в качестве архиерея, как и прежде...»³.

² «Икономия» (ц.-слав. «смотрение»), в противоположность «акривии», — отступление от строгого следования канонам, теоретически допустимое в дисциплинарных вопросах.

³ «...и о сем вне пределения митрополита Киевскаго преложения, строителнаго же ради, якоже речеся, с великим прошением и еже величайшим смиренномудрием прощения просяще от источника всех по части церквей святыя Христовы великия церкви. Тем же убо мерность наша, не взираючи на новосоделанное дерзновение, но намерение и конец судящи, и известившися от онуды принесенными грамматами, яко строителне сие бысть <...> пишет советом общим <...> и во Святем известует Дусе, да снисхождение употребляющи и прошение ему обильно подавающи, яко к сему смотреию строения употребившу, в подлог сей да блаженнейший сей патриарх Московский и всея России кир Иоаким, во Святем Дусе возлюбленный ея брат и сослужитель, буди прощен от Отца, и Сына, и Святаго Духа, Святыя Троицы, и благословен, и разрешен сущаго яковым ни буди образом сего повинства, и

Собор ясно дает понять, что, по сути, к патриарху Иоакиму должно было бы быть применено предусмотренное канонами наказание — извержение из сана, — но обосновывает возможность снисхождения («икономии»). По форме это соборное решение ничем не отличается от судебного постановления, где подсудимый признается виновным, но освобождается от наказания.

Эта соборная грамота не рассматривает никаких подробностей будущего порядка избрания митрополитов Киевских. Ее единственная формальная цель — примирить паству Киевской митрополии с уже состоявшимся возведением на кафедру Гедеона. Зато неформально это дало Константинополю повод для весьма резкого заявления о сохранении власти над Киевской митрополией и для прямого осуждения патриарха Иоакима за вторжение в чужую епархию.

Теперь можно в самом общем виде подытожить суть официальных документов, выданных в Константинополе:

- Киевская митрополия остается в составе Константинопольского патриархата.
- Поставление митрополита Гедеона в Москве было незаконным и может быть принято только по икономии, то есть как нарушение, допускаемое в качестве выбора наименьшего зла.
- На будущее митрополиты Киевские могут поставляться в Москве и относиться к Московскому патриарху как к первичной инстанции церковного суда.
- В процесс выбора кандидата на Киевскую митрополию церковные и светские власти Москвы не имеют права вмешиваться.
- В качестве видимого символа сохранения юрисдикции Константинополя над Киевом в митрополии обязательно должно сохраниться поминование Константинопольского патриарха на первом месте, перед патриархом Московским.
- Московский патриарх имеет власть над митрополитом Киевским лишь в пределах тех полномочий, которые делегированы ему патриархом Константинопольским (об этом особенно ясно сказано в одном из сопроводительных посланий — послании патриарха Дионисия царям, при объяснении смысла богослужебного поминовения патриарха Константинопольского).
- Само собой разумеется, что все права Московского патриархата на Киевскую митрополию возникают лишь на основании соборного решения 1686 года. Тем самым, никакая мысль о, якобы, исконных, с 1593 года, правах Москвы на Киевскую митрополию не допускается (а именно на этом собирались настаивать московские посланцы).

Другими словами, согласно грамотам 1686 года, Московский патриарх назначается только представителем или наместником Вселенского патриарха в Киевской митрополии. При этом границы Константинопольского патриархата остаются совершенно неизменными, а Киевская митрополия лишь временно передается в юрисдикцию Московского патриарха ввиду особых и исключительных обстоятельств.

Ничего не сказано о трех епархиях Киевской митрополии, уже захваченных Московским патриархатом в 1654–1657 годах непосредственно после Переяславской Рады (Полоцкой, Смоленской и частично Могилевской). Таким образом, собор не стал поводом для признания

непорочен, и неповинен, и не оклеветан, и свободен от сем всякаго хуления и поречения, во вся времена действуя, яже архиерейства, невозбранно, якоже и прежде...» (с. 188).

задним числом этого нелегитимного акта, а в 1940-е годы во время немецкой оккупации Белоруссии на территории этих епархий было естественным образом распространено действие Томоса 1924 года о «польской» автокефалии. Для Константинополя границы Московского патриархата определены так, как они были признаны Константинопольскими соборами 1590 и 1593 годов: допускается продвижение этих границ сколь угодно далеко на восток и на север, но не на запад и юг.

Характерно, однако, что, описывая фактические полномочия Московского патриарха в отношении Киевской митрополии, соборные документы избегают их определять каким-либо одним термином. Это, видимо, стилистическая уступка Москве. В предсоборных документах их главный автор — а им был Иерусалимский патриарх Досифей, которому был послушен патриарх Константинопольский Дионисий, — использует для статуса Московского патриарха в Киеве термины «наместник константинопольского патриарха» и «присный домостроитель», то есть «постоянный управдом» («домостроитель» — это в славянском переводе Посольского приказа калька греческого οἰκονόμος) (из послания патр. Досифея к патр. Иоакиму от апреля 1686, с. 145).

Для Константинополя не было ничего необычного в практике передачи прав наместника или экзарха Вселенского престола архиереям других поместных церквей или даже патриархам. Так, в XVI веке Александрийский патриарх Иоаким I Пани (чье патриаршество продолжалось около 80 лет, 1487—1565/67?) был одновременно наместником Вселенского престола на острове Крит.

Таким образом, напрасно некоторые обвиняли Константинопольского патриарха Дионисия в симонии: будто он продал Москве Киевскую митрополию. Он ничего не продавал, и вообще Москва никакой собственности от Константинополя не получала.

Разумеется, Москву не удовлетворили условия, поставленные собором 1686 года, и все они были нарушены. Тем самым, нельзя даже сказать, что в качестве наместника Константинополя Московский патриарх мог бы признаваться в качестве церковной власти над Киевской митрополией: тут уж он сам не захотел.

Поскольку все условия 1686 года Москва нарушила, то каноническая ситуация со всей Киевской митрополией не отличается от той, что сложилась раньше в Полоцкой, Смоленской и, частично, Могилевской епархиях, а также от той, что сложилась гораздо позже в Готфско-Кефайской епархии. — «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» (с).